

Коллектив авторов

Журнал Российский колокол
выпуск 1-2026

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82
ББК 83
К60

Коллектив авторов

К60 Журнал Российский колокол: выпуск 1-2026 / Коллектив авторов – М.: Lennex Corp, —
Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2026. – 316 с.

ISBN 978-5-6055644-6-1

Новый номер журнала «Российский колокол» — это отражение наших ожиданий на 2026 год, всего, что связано для нас с Родиной.

В этом номере читайте прозу Сергея Кардо и Екатерины Соловьёвой, Владимира Демьяновича Василенко, Татьяны Демиховой, Александра Бычевского, Романа Клыча, Геннадия Литвинцева, Надежды Серединой, Анатолия Сахоненко, Сергея Конышева, Юлии Труфановой, Александры Разживиной, Алексея Вайзеля, Андрея Прокофьева, Ярослава Петричковича, Ивана Царицына.

Поэтическую рубрику представляют Роман Башкардин и Елена Колесникова.

Ирина Ракша в рубрике «Золотой фонд» вспоминает о детстве и «хрущёвской оттепели».

Читателей ждут публицистика Аркадия Польшина, литературоведение и критика Ольги Камарго, Дмитрия Аникина, Николая Маркелова, Екатерины Соловьёвой, Юлии Буравлёвой.

Новый выпуск готов к встрече с читателем.

ISBN 978-5-6055644-6-1

© Lennex Corp, 2026
© Коллектив авторов, 2026

РОССИЙСКИЙ КОЛОКОЛ

Ежеквартальный журнал
художественной литературы

Издаётся с 2004 года

№ 1 (54)
2026 г.

ISBN 978-5-6055644-6-1

Главный редактор
Максим Замшев

Шеф-редактор
Ольга Грибанова

Рабочая редколлегия
Галина Березина
Ольга Дьяченко
Андрей Щербак-Жуков

Редакционная
и производственная группа

Редакторы
Татьяна Чернова
Елена Наливина
Выпускающий редактор
Алексей Гоголев

Корректор
Дарина Никонова
Компьютерная вёрстка
Геннадий Данилов
Дизайн обложки
Александра Уханёва

УДК 82.161.1(051)

ББК 82(2)6

P76

ISBN 978-5-6055644-6-1

18+

Редакция не рецензирует присланные работы
и не вступает в переписку с авторами.

При перепечатке ссылка на журнал
«Российский колокол» № 1 (54) 2026 г. обязательна.
Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

Учредители — Московская городская организация Союза писателей
России, Фонд «Литературный центр Петра Проскурина».

Издатель — Межрегиональная общественная организация «Интернациональное сообще-
ство писателей, драматургов и журналистов» — «Интернациональный Союз писателей»

Адрес редакции: 107150, г. Москва, ул. Бойцовая, д. 22, офис 8

Телефон редакции: +7 (499) 430-00-89

E-mail редакции: pressa@inwriter.ru

E-mail рекламного отдела: reklama@inwriter.ru

Свидетельство федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ПИ № ФС 77-18759 от 9 ноября 2004 года.

ISBN 978-5-6055644-6-1

Содержание

Слово редактора	5
Время героев	
Сергей Кардо. Круто было	7
Екатерина Соловьёва. Таро	18
Проза	
<u>Владимир Демьянович Василенко</u> . Чей конь заржёт первым	22
Татьяна Демихова. Маска Арлекина	50
Роман Клыч. За шишками	54
Сергей Конышев. Анонимное домашнее животное	60
Побег из душегубки	63
Геннадий Литвинцев. Каждой ночью, в двенадцать	70
Анатолий Сахоненко. Осколок	77
Надежда Середина. Бром и Хина	92
Русская Венеция	97
Щенок	100
Корова	104
Юлия Труфанова. Твои, мои, наши домики	110
Метафора	
Алексей Вайзель. Схема	116
Андрей Прокофьев. У чёрта на Куличках	119
Александра Разживина. Танталовы мухи	133
От стены к стене	151
Поэзия	
Роман Башкардин. Не бойся, моя хорошая	173
Аль Квотион. Я думал, она вернётся	178
Елена Колесникова. Маршруты	190
Фантастика	
Ярослав Петричкович. Дискуссия	195
Жест	203
Иван Царицын. Последний человек на Земле	209
Дебют	
Александр Бычевский. Буквальные мудрости	214
Консерватория	218
Линии жизни	221
Варвара Петрова. Немного про жизнь	223

Золотой фонд

Ирина Ракша. Малиновый звон	227
Запретный плод	229

Публицистика

Аркадий Польшин. По старине и не только	232
---	-----

Литературоведение

Дмитрий Аникин. Третьяковский. Дактило-хореический витязь	253
Юлия Буравлёва. Клаус Херрманн (Klaus Herrmann, 1903–1972), заложник времени, или Из прошлого в настоящее	259
Ольга Камарго. «Слово о полку Игореве». Слово о «Слове»	269
Николай Маркелов. Пушкин и Лермонтов: кавказские параллели	276
Екатерина Соловьёва. Василиса Прекрасная и власть огня	310

Слово редактора

Этим выпуском журнала «Российский колокол» мы открываем новый, 2026 год!

Мы ждём от этого года новых блестящих побед, открытий, прозрений и долгожданного мира. И не иссякает поток прекрасных произведений, посвящённых борьбе наших воинов за всё, что связано для нас с Родиной: за русских людей, за исконно русские земли, за все языки и верования нашей России.

В рассказах Сергея Кардо и Екатерины Соловьёвой, опубликованных в рубрике «Время героев», вы увидите и будни, и великую миссию Специальной военной операции. Приходится только удивляться, как неисчерпаема в наше время эта тема, сколько нового, неожиданного о мире она открывает!

В этом номере рубрика «Проза» необычайно богата и разнообразна. Каждый из авторов по-своему уникален. Колоритна историческая проза и в отрывке из романа Владимира Демьяновича Василенко «Чей конь заржёт первым», и в маленьком лирическом рассказе Татьяны Демиховой «Маска Арлекина», но это совершенно разное понимание исторического процесса. К жанру психологической прозы можно отнести и бережные наблюдения Александра Бычевского над судьбами людей, и жёстко реалистичный рассказ Романа Клыча, почти мистическую историю Геннадия Литвинцева, тонкое наблюдение и бережный диалог с читателем Надежды Серединой. Неожиданна по форме детективная история в рассказе Анатолия Сахоненко. Доходит до высот философии и до глубин абсурда реалистическая проза Сергея Конышева. Трагична тонкая лирика рассказа о детстве, представленного Юлией Труфановой.

Читатели журнала «Российский колокол» уже хорошо знакомы с творчеством писателя Александры Разживиной. В её новых рассказах рубрики «Метафора» загадочные герои, мистические образы, события, переворачивающие наше представление о мире. Несомненно, удивит читателя странная история на грани реальности в рассказе Алексея Вайзеля. В этой же рубрике опубликована первая часть повести Андрея Прокофьева «У чёрта на Куличках». Что же это: история, религия, мистика, народные сказания?

Поэтические произведения Романа Башкардина, Аль Квотиона и Елены Колесниковой, опубликованные в рубрике «Поэзия», заинтересуют читателей необычной формой, образностью, свежестью метафор.

По сложившейся традиции добрый друг нашего журнала писатель, ки-нодраматург и публицист поколения 60-х годов, кавалер государственных наград, лауреат многих литературных премий Ирина Ракша представит читателям в рубрике «Золотой фонд» воспоминания о детстве и об удивительных людях эпохи «хрущёвской оттепели».

В небольших рассказах авторов рубрики «Фантастика» Ярослава Петричкова и Ивана Царицына вы найдёте глубокие размышления о том, что происходит в современном мире, какую судьбу готовит человечество самому себе, без конца заблуждаясь, принимая, отвергая, возвращаясь и снова заблуждаясь.

Без сомнения, удивит читателей своей яркостью и эмоциональностью первая часть публицистического очерка Аркадия Польшина «По старине и не только».

На редкость богата интересными работами в этом выпуске журнала рубрика «Литературоведение». Русская древность и золотой век отечественной литературы, забытые имена русской классики и западная литература XX века — обо всём этом в очерках Ольги Камарго, Дмитрия Аникина, Николая Маркелова, Екатерины Соловьёвой и Юлии Буравлёвой.

Новых впечатлений и радостных открытий, дорогие читатели!

*Ольга Грибанова,
шеф-редактор журнала «Российский колокол»,
филолог, прозаик, поэт, публицист*

Круто было

(рассказ)

Сергей Кардо

73 года, родился и живёт в Москве.

Писать начал уже в достаточно зрелом возрасте, пятнадцать лет назад. За это время принял участие в качестве автора в восьми ежегодных сборниках конкурса прозы «Новые писатели» под эгидой прогрессивного московского издательства «Дикси Пресс». В качестве соавтора отметилсЯ в двух издательских проектах: «Путь дилетантов (книга о поэзии и прозе)» (2021) и детективах про следователя Максима Тугодурова «Остановка» (2019) и «Как насчёт кофе, господин майор?» (2021).

Автор книг «И жизнь твоя, как повесть без конца» («Дикси Пресс», 2017), «Прогулка по Москве» (Lulu Press, 2024), а также книги, выпущенной в электронном виде, «И кем ты сегодня был?» («Дикси Пресс», 2023).

— Дед, ты воевал? — Десятилетний внук бросил ранец в прихожей.

— Чего вдруг спросил? — насторожился старик, приподнимая голову от подушки.

— Мы с классом на стадионе батл-перформанс смотрели. Там гитлерюги на броневике с крестами приехали, в касках таких прикольных, с рожками, а наши на них... Всех вверх тормашками покидали, поубивали, остальные сдались. Круто было!

— На стадионе... Понятно. Май, значит, скоро.

— Дед, нам училка задание дала — спросить у стариков, если в семье есть, кто чего помнит, рассказать классу, как там было.

Дед криво усмехнулся:

— Ответь ей, что там было хреново.

— Ладно тебе. Я честно спросил. Скажи лучше: ты сколько фашистов убил?

— Ни одного.

На фронте все боятся, если не дураки. Ложишься спать и не знаешь, на каком свете проснёшься. На войне важно перемолоть живую силу противника.

— Как это? Ты разве в атаку не ходил?
— Не ходил. Я служил в медсанбате.
— А что это? У тебя автомат вообще был?
— Нет. В медсанбате лечат. Автоматы ближе к середине появились. А так всё больше «мосинка», винтарь-трёхлинейка, и обойма в пять патронов, и то не у всех. У меня и её не было.

— Как же ты тогда воевал? Страшно было?
— Было. Не все в армии стреляют. А страшно всем.
— Ты боялся? — удивился внук. — Чего? Мы же сила!
— Они — тоже, иначе бы не полезли. Иначе бы не четыре года воевали. На фронте все боятся, если не дураки. Ложишься спать и не знаешь, на каком свете проснёшься. На войне важно перемолоть живую силу противника. Раненый в строй рано или поздно вернётся, лучше его добить, пока он беспомощный, безоружный и заодно врачей до кучи, чтоб никто не вставал снова. Так немцы и поступали. Логика простая.

— А мы тоже их раненых убивали?
— Нет. Не знаю таких случаев.
— Когда ты бояться стал?
— Считаю, с сорок первого, с первого свидания с фашистом. Боишься тогда, когда делать нечего. А когда занят, не думаешь о страхе, но он никуда не девается.

— А что ты вообще там делал? Как оно всё происходило? Вот самый первый раз?

— Обыденно и просто. Получил батальон приказ следовать на указанное место и приготовиться к приёму раненых. Пришли. Разгрузились на опушке, рядом зенитки стоят, чуть дальше — фальшивый аэродром с муляжами самолётов, ещё подальше — настоящий аэродром. Тогда ещё плохо соображали, что так нельзя. Август. Красота. Птицы поют. Как будто нет никакой войны. Вдруг сирена с неба завыла. Пикировщики стали на фальшак падать. Зенитки молчат: приказа открывать огонь не было. Немцы встали в круг, бомбят обманку, боекомплект расходуют. Наши притихли, военный аэродром хорошо замаскирован, фашист его не видит. Отбомбятся «юнкерсы», полетят обратно, наши им вслед вылетят и отметят, откуда они поднялись. Но, видать, у кого-то нервы сдали. Сначала одна, потом вторая, за ней следом забухало... Командиры зениток орут, в воздух из пулеметов стреляют... Балаган прекратили, да уж поздно.

Медсёстры наши — студентки — та же история: как канонада началась, так всё побросали, за руки взялись и побежали парами к зенитчикам. Болеть за наших, аплодировать, смотреть, как те фашистов пошибают.

А один лапотник меж тем вышел из круга — и на орудия. Из пулемётов пострелял, бомбу бросил.

Вышел из пике мастерски, низко-низко, жаром обдал. Видно было, как очки лётчика бликуют. И улетел вслед своим. Бомба хлопнула. Пыль осела, снова солнце светит, полная безмятежность. Птицы щебечут, кузнечики стрекочут, листва шелестит. Кукольные самолёты в щепу разлетелись, чадят, батарея разбита, считай, подавлена, есть

погибшие и раненные. А кто? Да мои медсёстры и орудийная прислуга. Вот когда увидел, что пули насквозь прошли ствол зенитки, тогда и стало страшно. На финской кампании такого видеть не доводилось. Потом особисты приехали, командиров зенитных увезли.

— Куда?

— В никуда. На войне таких вопросов не задают.

— А так чтоб совсем-совсем испугался, помнишь?

— Ещё бы! Хотел бы забыть, да не забывается. В сентябре срок первого за нашими линиями я оказался. Аккурат после шифрограммы за номером сорок девять семьдесят шесть командующего Ленинградским фронтом товарища Жукова. Помню её слово в слово: «Разъяснить всему личному составу, что все семьи сдавшихся врагу будут расстреляны и по возвращении из плена они также будут все расстреляны». Сочинил как обрезал. И кто эти «они», не пояснил. Там и оставайтесь, обратно вам дороги нет.

— Ты разве был в плену?

— Повезло, не был. С двадцать второго июня в мыслях — только биться, а тут ещё и родных пристегнули... В голове каждого отложилось: не попадать! Но наши так быстро отошли, что медсанбат оказался за линией фронта. Про нас забыли. Когда немцы мимо стали ездить, мы очнулись и давай драть к своим. Раненых кое-как тишком отправили. Последние мы, с санитаром нестроевым и водителем, уже ближе к полночи сели на полуполторку и погнали. Фары не зажигали. Подъехали к мосту через Волхов. Темень. С другой стороны кто-то стоит, моторы вроде гудят, огоньки синие мерцают. Вышел из машины, слушаю: на каком разговаривают? Наши или ещё кто — не разберу. Запахи ловлю: по-другому немцы пахнут. Выхлоп моторов на эрзац-бензине тоже с нашим чадом не спутаешь. Ветра нет, ночь тиха, только вода под мостом шумит. Непонятно. Санитару приказал сапоги снять, чтобы подковками по настилу не цокать, и аккуратно выяснить. Тот разулся, в темень ушёл и исчез. Пропал. Вдруг слышу оттуда окрик и дружный смех. Я обрадовался: свои. А там хлопок винтовочный, жужжание и скрип. Фары вспыхнули на секунду, но я успел разглядеть: с той стороны немцы гурьбой и танк. Башня его поворачивается на прямую наводку. Ахнул он болванкой, полуполторку с шофёром смело, как будто их и не было, меня через перила в воду скинуло, оглушило, течением понесло. Через день к своим вышел. В неразберихе никто мной не занимался, откуда я появился, где более полутора суток болтался, а страх был великий. Семью-то за что? Враг в бою ещё может промахнуться. Свои — никогда. Кто будет разбираться, был ты в плену или не был — пришёл-то оттуда. Лётчикам особенно с этим приказом не везло. Их пачками за линией фронта сбивали.

— Ты на военном самолёте летал?

— Два раза. На всю жизнь хватило. Зато вот твой дед Иван — настоящий герой. Служил военлётком.

— Он же был слепой!

— После войны наш Ваня ослеп. От ранений.

— А он сколько сбил самолётов?

Враг в бою ещё может промахнуться. Свои — никогда. Кто будет разбираться, был ты в плену или не был — пришёл-то оттуда.

— Нисколько. Его самого дважды сбивали.

— Какой же он тогда герой?

— Самый настоящий. Был Иван Александрович не скороспелкой, а кадровым лётчиком — командиром бомбардировщика ТБ-3. Сейчас поезда ходят быстрее, чем тогда летал ТБ. Тяжёлый бомбардировщик Туполева — здоровенный, четырёхмоторный, с деревянными винтами, неубирающимся шасси, с открытой кабиной. Выше двух километров забраться не мог, но других в тот момент не осталось. Мы почти всю авиацию потеряли на земле в первые дни. Короче, получил полк приказ днём уничтожить объект. Скорость нашего — под двести при попутном ветре. А у сто девятого «мессера» — пятьсот против ветра. Уже за линией фронта зашёл немец на ТБ сверху, вне сектора обстрела задних стрелков, и убил обоих. Настал «туполё» конец. Фашист нарезал круги, пристраивался сзади и стрелял короткими. Из-за разницы в скорости он долго не мог на одной высоте с ТБ держаться, уходил на второй круг, затем снова снижался и жалил. Иван самолёт убрал почти до земли, но это не помогло. Пули немца прошивали его от хвоста до кабины, как копну соломы. Защита лётчика — бронеспинка восемь миллиметров. Управление было брошено, скрючились наши за этими спинками. Разлетелись в брызги приборы, фосфор из циферблатов за клубился зелёным туманом, занялась проводка, самолёт горел и падал. Иван приказал покинуть борт. Кто-то из оставшихся в живых высочил, а Ваня так и не успел. Самолёт упал, развалился на куски и сгорел. Выбрался он, раненый, обожжённый, переполз линию фронта, добрался до своих, а наши его арестовали: боевая задача не выполнена, где твои люди, где самолёт? Чем докажешь, что был сбит, а не сдал врагу боевое имущество?

Сидел Ваня месяц. Тоже повезло: выжившие из экипажа к нашим вышли и подтвердили, как всё было. По гроб жизни он обязан osobistам, что не поставили его к стенке, а просто под замок посадили и за собой таскали: драпали мы тогда знатно.

Сидел Ваня месяц. Тоже повезло: выжившие из экипажа к нашим вышли и подтвердили, как всё было. По гроб жизни он обязан osobistам, что не поставили его к стенке, а просто под замок посадили и за собой таскали: драпали мы тогда знатно. Освободили Ваню и отправили переучиваться на истребителя. Переучили по-быстрому, потом он ещё год ждал в части самолёт и в первом боевом вылете снова был сбит. Над Керченским проливом. Шёл он ведомым и не потому был сбит, что не умел воевать, а потому что ведомый должен беречь спину ведущего ценой своей машины и своей жизни. Ваня и сберёг, сам под пули подставился.

Упал в море, плавать не умел, зацепился за какие-то обломки, а немец крутится над ним и стреляет, добить захотел. Но свои, кто ещё оставался в небе, фашиста отогнали. После этого Ивана отправили в тыл, в транспортную авиацию.

— А ты кем летал?

— Пассажиром. Приказали, и полетел. Нашу дивизию в конце октября сорок первого самолётами срочно перебрасывали из-под Ленинграда к Тихвину. Ранним утром, по полной темноте, при светомаскировке, аэродромные уложили в транспортник Ли-2 госпитальный скарб, потом мы забились в хвост и взлетели. Немного рассвело, видим, что самолёт побывал в передрыгах: фюзеляж кое-где пробит